

XII SYMPOSIUM INTERNATIONAL DOSTOÏEVSKI

1–5 septembre 2004

Université de Genève
Uni-Bastions, Bâtiment central
3, rue de Candolle

www.dostoevsky.org/symposium

Dotsenko, Sergej, Estonia

Ф.Достоевский в творчестве А.М.Ремизова

В своем эссе о Достоевском «Звезда-полюнь» (1946) А.Ремизов так описывает сцену несостоявшейся казни Достоевского:

«<...> Вот его поймали, избили и надругались, приволокли ко кресту и, скрутя веревкой, уж подтянули, чтобы вешать, уж по лестнице вскарабкались «воины» с молотком и гвоздями – и вдруг говорят: «Ступай, тебя прощают». Да ведь это судьба Достоевского (22 декабря 1849 года, Петербург)» (Ремизов 1989: 211).

В описание *несостоявшейся* казни Достоевского Ремизов включил цитату из романа «Идиот» (см.: «Ступай, тебя прощают». Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил»). Описание сцены казни Достоевского – как проекция на распятие Христа (ср. деталь – ««воины» с молотком и гвоздями»). То, что пережил 22. 12. 1849 г.

Достоевский, для Ремизова есть подобие крестных мук Иисуса Христа

Испытывает «крестные муки» не только Христос, но и весь мир. В этом смысл слов Ремизова (в другом эссе о Достоевском «Огненная Россия», 1921) о «крестной муке перед крестом всего мира». Но отсюда же и другой вывод: великим страдальцем является не только Христос, но и Великий Инквизитор, и предатель Иуда (поэма Р. «Иуда»), и (несколько парадоксально) – Сатанаил в повести-апокрифе «Страсти Господни» (ср. также апокриф Ремизова с красноречивым названием: «Страсти сатанинские» (1906)).

Сам Ремизов склонен уподоблять свою судьбу не только судьбе Иуды, но и судьбе Христа.

В романе Ремизова «Пруд» (1905) большинство аллюзий на судьбу Христа связаны с образом Николая Финогенова (один из главных прототипов которого – сам Ремизов). Своего героя Ремизов также заставляет «пережить» смертную казнь, причем опять мы находим аллюзию на казнь Достоевского (см. важный мотив *несостоявшейся* казни; ср. также «обмолвку» в гл. «Оракул»: в ссылке Николай Финогенов «как приговоренный, день казни которого *откладывается*»). Арест, заключение, ссылка Николая – это его крестный путь, его Голгофа.

Еще одна аллюзия на казнь-распятие (в гл. 4-ой, ч. II): в тюрьме, в которой заключен Николай Финогенов, казнят (вешают) преступника. Но когда накануне строили виселицу на тюремном дворе, Николай шептал: «Боже мой, подкрепи меня!» (слова Николая – очевидная реминисценция евангельского «моления о чаше» (Лука XX, 41-44)). Точно так же виселица, которая приснилась Николаю, уподобляется затем кресту распятия (ср.: «Огорельшевские плотники разобрали верх красного Финогеновского флигеля, и одна труба <...> торчала, как виселица-крест»). Евангельская символика этого образа явлена и в последней главе романа (25-ой, II часть). Во-первых, глава имеет символическое название: «В девятый час». Во-вторых, здесь вновь появляется образ креста-виселицы («<...> И три длинных облупленных прокопченных трубы <...> кирпичами торчали, как три креста-виселицы»).

Другой важный аспект ремизовского романа «Пруд» (насыщенного цитатами и реминисценциями из романов Достоевского): Ремизов имплицитно подразумевает подобие своей судьбы и

судьбы Достоевского. После политической ссылки (1900-1903) Ремизов (как и Достоевский – после каторги) со скептицизмом относится к идее революционными методами осчастливить человечество. Оба прошли путь страданий и оба изменили свое отношение к революционной идее (ср. символическую деталь в воспоминаниях Ремизова: отправляясь на тюремный этап, он взял с собой «Киевский патерик» и роман Достоевского «Братья Карамазовы»; упоминание книги Достоевского – знак подобия биографии двух писателей).

Ремизов и позже нередко «стилизовал» свое поведение под Достоевского (воспоминание К.Федина (11.02.1921 г.)):

«В сороковую годовщину смерти Достоевского Ремизов произнес «Слово» о нем в Доме литераторов. <...> Он произносил каждую фразу с напряженной ясностью, но мне все казалось, что он вот-вот забормочет, как в припадке, и в его смертной бледности, наполненной трепетом, в его губах, забелевших по уголкам, было что-то эпилептическое» (ср. также у Федина о Ремизове: «Как психолог, как романист, он шел по следам своего божества, отыскивая и строя русские характеры как ключи к познанию России. Его биография сложилась странным подобием биографии Достоевского <...>»).

Когда Ремизов пытается понять судьбу Достоевского, то в значительной мере он пытается понять свою судьбу. Евангельская легенда о Христе, судьба Достоевского и собственная судьба Ремизова оказываются связаны не только внешним, но и внутренним подобием. Биография и творчество Достоевского становятся тем кодом, при помощи которого Ремизов описывает эпизоды своей биографии.